

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Время сняло запрет с многих имен в нашей истории и литературе. Относится это и к Борису Савинкову, знаменитому террористу и писателю. О нем сегодня много пишут в центральных изданиях, появился в печати и его произведение. Вызывает интерес и факт пребывания его в вологодской ссылке, о чем пойдет речь в предлагаемом вниманию читателей очерке.

В известном историческом журнале «Былое» за 1906 год (№ 7) есть публикация «Годы скорби» (воспоминания матери). Их автор С. А. Савинкова.

В воспоминаниях речь идет о двух братьях-студентах, что выросли в семье либерального судьи на «западной окраине» России. Потом они поехали учиться в Петербург и оба быстро включились в освободительное движение. Как и следовало ожидать, начались аресты, тюрьмы, ссылки. И мятарства их матери, хлопоты по начальству, поездки, прощения, попытки хоть как-то облегчить судьбу своих «мальчиков». Словом, для нее начались «годы скорби».

Автор воспоминаний не называет имена сыновей: просто «младший сын» и «старший сын». Из городов упоминает лишь Петербург, Москву и Вологду.

Но вскоре начинаешь понимать, что это — воспоминания матери Бориса Савинкова. Вот что пишет она: «...младший сын мой, отсидев пять месяцев в крепости и четыре в доме предварительного заключения, был до окончания приговора административно выслан на житье в Вологду и получил разрешение приехать на три дня, проститься с родителями. Он тоже очень изменился, похудел, побледнел и стал гораздо нервнее. Но он был крепче старшего, и возможность жить с семьей сильно поддержала его. Старался он приободрить и нас с мужем, уверяя, что ожидал худшего».

Прошлое некоторое время, и мать навестила младшего сына в Вологде. Причем приехала к нему не одна. С нею был старший сын, которого только что освободили из московской тюрьмы и сослали в Нижний Новгород тоже ждать «окончания приговора». Но разрешение подождала с братом.

Мать пишет: «Три дни в

Вологде прошли быстро... Эти дни остались одной из немногих светлых точек нашего существования; по крайней мере я видела обоих сыновей хоть в ссылке,

хал в якутскую ссылку, где в конце трехлетнего срока впал в меланхолию и застрелился.

...Побег из Вологды был дерзким, решительным. Так начинал авантюристическую эпопею своей жизни Борис Савинков.

Этот побег и события в Вологде, что предшествовали ему, описаны самим Савинковым в его воспоминаниях. Они опубликованы в том же историческом журнале «Былое» (1917 год, июль). Время внесло свои коррективы.

В седьмом номере «Былого» начал печатать свои воспоминания не гонимый и

уехать в Норвегию. Из разговора выяснилось, что в тот же день через час отходит из Архангельска в норвежский порт Варда мурманский пароход «Император Николай I». У меня не было времени возвращаться на вокзал за вещами, и я, как был, без паспорта и веши, незаметно прошел в каюту 2-го класса... Из Варда, через Тронхейм, Христианию и Антверпен, я приехал в Женеву.

Нас, естественно, боялись интересуют полгода года вологодской ссылки Савинкова. И они неплохо отражены

документ — полицейский rapport от 9 июля.

Но когда он бежал, в полицейской «Ведомости о лицах, подлежащих розыску» появились приметы Савинкова. «Рост 183 см. Телосложение слабое. Несколько сутуловат. Цвет волос на голове темно-каштановый... На темени проступает лысина. Волосы коротко стрижены. Бороду бреет. Глаза карие. Несколько близорукий, очков не носит. Нос прямой, с небольшой горбинкой. Лицо овальное, худощавое, веснушчатое...»

Но особый интерес для нас

рукопись Алексея Ремизова «Б. В. Савинков» написана чуть позднее, в 1925 году, после гибели Савинкова. Она никогда не была опубликована. Автор этих строк обнаружил ее в «фонде Ремизова» Центрального государственного литературного архива.

Ремизов тоже воевался с Савинковым в вологодской ссылке. Оба они делали тогда первые шаги в искусстве слова, пытались печататься в столичных журналах, часто встречались по литературным делам.

Алексей Ремизов спорял, чем Луначарский, оценивает литературные дарования Савинкова. И стиль его не без иронии называет «петербургский модерн». В рукописи Ремизова есть имя литературной наставницы Савинкова — Зинаиды Гиппиус, — она правила его роман «Коень бледный». И вспомнилась давняя находка в специальном московской библиотеки.

Речь идет о «Книге стихов» В. Ропшина (Б. Савинкова), изданной в Париже в 1931 году тиражом... сто экземпляров. Стихи изданы и написаны к ним предисловие З. Гиппиус.

Очерк Луначарского «Артист авантюры» появился в сентябре 1924 года, после московского суда над Савинковым. В нем есть такой отрывок:

«Я помню одну маленькую эффектную сцену. Было это в вологодской ссылке. Социал-демократы и эсеры собирались в каком-то обществе, слушали какой-то доклад и горячо дебатировали... Вдруг посреди дискуссии открывается дверь и является Савинков. Лицо его бледно, глаза сонные, движения нарочито размеренные и небрежны. Не говоря никому никакого предварительного слова, он выходит на середину и разражается речью из отрывистых фраз, что пора перестать болтать... и что дело выше слов. Казалось бы, за эту пустую выходку человека нужно было по-товарищески ругнуть, если не просто выставить за дверь, но, к моему великому удивлению, все были в восхищении... «Ах, этот Савинков, вот человек дела!»

Луначарский пишет, что для Савинкова революция была «особо эффективной сферой для проявления собственной оригинальности, что постепенно он влюблялся в роль «слуги народа». Хотя служил ему весьма оритикально — картины подвигами привлекал к себе всеобщее внимание и утолял свое ненасытное честолюбие».

Да, Борис Савинков был авантюристом и террористом. Но он вошел в нашу историю. Он был...

«АРТИСТ АВАНТЮРЫ»

но не в тюрьме! О многом мы тогда поговорили...

Младший сын мой жил в ссылке с семьей, и относительно ему жилось нештатно... Но ожидающий приговор висел над ним как дамоклов меч! Тогда впервые сказал он мне, что если его сошлют в Восточную Сибирь, он туда не поедет. Я тогда не поняла. Я думала, что это сказано невзначай, как иногда говорится о том, что не приятно. Но, зная его полную жизни и энергии натурально, я сознавала, что Якутская область для него равна сажи к погребению. Я уверяла его, что его не ждет такое жестокое наказание, но он начал головой: свирепость Плеве была известна...

После свидания в Вологде Савинкова какое-то время жила спокойней на «западной окраине» (в Варшаве). Но весна уже принесла с собой новые тревоги. Прежде всего до нас дошел слух о приговоре по делу младшего сына — его ссылали в Якутскую область. И сейчас же письма от него из Вологды прекратились... Напрасно я посыпала письмо за письмом, телеграмму за телеграммой — ответа не было. Тогда я вспомнила наш разговор. В душе росло мукичительное сомнение. И много пришлось перечувствовать мне, пока, наконец, я не была обрадована открытой из Норвегии, в которой стояло единственный слово: «Привет!». Но оно было написано дорогой, любимой рукой...

Итак, Норвегия! Да, Борис Савинков бежал из Вологды в Женеву через Норвегию. А старший брат покорно уч-

баственый подпольщик-террорист, а член российского Временного правительства Борис Викторович Савинков. Поэтому воспоминания написаны «открытым текстом» и очень подробно: никаких «западных окраин», никаких «старших и младших братьев».

Вот как они начинаются: «В начале 1902 года я был административным порядком выслан в г. Вологду по делу С.-Петербургских социал-демократических групп «Социалист» и «Рабочее знамя». Социал-демократическая программа меня давно уже не удовлетворяла. Мне казалось, что она не отвечает условиям русской жизни: отставляет аграрный вопрос открытым. Кроме того, в вопросе террористической борьбы я склонился к традиции «Народной воли».

В Вологду дважды — осенью 1902 г. и весной 1903 г. — приезжала Е. К. Брешикова. После свиданий с нею я примирился с партией социалистов-революционеров, а после ареста Г. А. Гершуни (май 1903 г.) решил принять участие в терроре. К этому же решению, одновременно со мною, присоединились двое моих товарищей, а также близкий мне с детства Иван Платонович Калляев, отбывавший тогда полицейский надзор в Ярославле.

В июне 1903 г. я бежал за границу. Я приехал в Архангельск и, оставив свой чемодан на вокзале, явился по данному мне в Вологде адресу. Я надеялся получить подробные указания, как и на каком пароходе можно

вызвать воспоминания о Савинкове литераторов, отбывавших вместе с ним вологодскую ссылку. О нем писали Луначарский и Ремизов.

Очерк Луначарского «Артист авантюры» появился в сентябре 1924 года, после московского суда над Савинковым. В нем есть такой отрывок:

«Я помню одну маленькую эффектную сцену. Было это в вологодской ссылке. Социал-демократы и эсеры собирались в каком-то обществе, слушали какой-то доклад и горячо дебатировали... Вдруг посреди дискуссии открывается дверь и является Савинков. Лицо его бледно, глаза сонные, движения нарочито размеренные и небрежны. Не говоря никому никакого предварительного слова, он выходит на середину и разражается речью из отрывистых фраз, что пора перестать болтать... и что дело выше слов. Казалось бы, за эту пустую выходку человека нужно было по-товарищески ругнуть, если не просто выставить за дверь, но, к моему великому удивлению, все были в восхищении... «Ах, этот Савинков, вот человек дела!»

Луначарский пишет, что для Савинкова революция была «особо эффективной сферой для проявления собственной оригинальности, что постепенно он влюблялся в роль «слуги народа». Хотя служил ему весьма оритикально — картины подвигами привлекали к себе всеобщее внимание и утоляли свое ненасытное честолюбие».

Нет родины — и все кругом неверно,
Нет родины — и все кругом ничтожно,
Нет родины — и вера невозможна,
Нет родины — и слово лицемерно,
Нет родины — и радость без улыбки,
Нет родины — и горе без названия,
Нет родины — и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины — и смерть, как увиданье...
Нет родины. Замок висит острожный,
И все кругом неужно... или ложно...

Да, Борис Савинков был авантюристом и террористом. Но он вошел в нашу историю. Он был...

В. НОВОСЕЛОВ.